

ПЕРЕД ПРЕМЬЕРОЙ

Игорь Балалаев и Лариса Луста в сцене из спектакля.

«Безымянная звезда»: все новое — хорошо забытое старое

В ДК им. ДЗЕРЖИНСКОГО ПОЛНЫМ ХОДОМ ИДУТ РЕПЕТИЦИИ МЮЗИКЛА ПО ПЬЕСЕ МИХАИЛА СЕБАСТЬЯНА

В главных ролях — Лариса Луста, Игорь Балалаев, Эвклид Кюрдзидис, Ирина Мазуркевич.

ПОХОЖЕ, Петербург становится новой российской столицей мюзикла. Буквально за два года здесь появилась целая россыпь прекрасных мюзиклов, таких как «Пола Негри», «Голливудская дива», «Ромео и Джульетта», «Мастер и Маргарита». Кстати, с «Мастером и Маргаритой» связана интересная история — дело в том, что на роль Геллы в этот мюзикл изначально была приглашена петербургская певица Лариса Луста. Чертовщина, присущая роману, дала о себе знать: как только Лариса согласилась участвовать в проекте, у нее сгорела квартира, стали происходить разные неприятные вещи. В итоге с проектом что-то не сложилось, и, пожелав удачи его создателям, популярная певица ушла в собственное плавание.

Тут на горизонте и возник режиссер Сергей Сметанин, который был знаком с автором оригинального мюзикла «Безымянная звезда» Марком Самойловым. Перед смертью Самойлов завещал авторский клуб Сметанину, который, в свою очередь, загорелся идеей поставить новую версию всеми любимой истории.

— Меня так тронул этот материал, что я решила стать еще и продюсером проекта и поставить «Безымянную звезду» с размахом и применением суперсовременных технологий, — говорит Лариса Луста. — Наша версия отличается масштабом постановки: в оформлении сцены будет использована система экранов, 3D-мэппинг, мы построим на сцене и настоящий дом главного героя, который будет оживать и играть свою роль. Но самое главное — музыка. Мы представим зрителю новую музыкальную версию любимой истории.

Лариса Луста исполнит роль главной героини мюзикла Моны, а Морина сыграет Игорь Балалаев (в одноименном фильме героя Балалаева зовут Марин Мирою. — Авт.).

— На мой взгляд, нам удалось собрать очень сильную команду: Сергей Лосев, Дмитрий Быковский, Эвклид Кюрдзидис, Ирина Мазуркевич, Манана Гогитидзе, другие известные актеры. Кого-то мы нашли на кастинге, с кем-то вели личные переговоры, а кто-то попросился к нам сам. Мы и сегодня продолжаем получать предложения от артистов поучаствовать в проекте. И нам очень дорог такой интерес коллег! Еще я очень рада, что главную роль согласился исполнить звезда московских мюзиклов Игорь Балалаев, получивший в 2014 году премию «Лучший артист мюзикла», — рассказала Луста.

На репетициях, которые начались в начале января и шли ежедневно, актеры прорабатывали мельчайшие детали, а также привыкали к сложным декорациям.

— А еще наш хореограф Дмитрий Пиманов создал совершенно новую, авторскую хореографию, которая будет отличаться от оригинальной постановки, — добавил продюсер проекта.

Премьера мюзикла «Безымянная звезда» — 25 и 26 апреля на сцене ДК им. Горького.

Михаил САДЧИКОВ-мл., фото предоставлено организаторами

Олег Кулик:

Всю жизнь я ищу гармонию между физиологией и сакральным измерением

Для тех, кто интересуется актуальным искусством, Олег Кулик, один из самых известных перформеров планеты, не нуждается в представлении. Его резонансные акции — выступления в образе собаки на привязи или получасовое купание в ледяной воде с рыбами, чтобы отпустить им грехи, — становились предметом не только скандалов, но и научного исследования. Он, живой символ свободных и деструктивных 90-х, получил признание не только в России, но и в Европе, и в Америке. Художнику посвящены фильм Евгения Митты «Олег Кулик: Вызов и провокация» и спектакль столичного театра «Практика» (режиссеры Эдуард Бояков и Светлана Иванова-Сергеева).

В «Ленинград Центре» открылся читальный зал «Все свои». В рамках проекта проходит выставка, где представлен ранний арт-объект Кулика «Черная книга» (1988). Также Кулик исполнил перформанс «Строгое доказательство существования внешнего мира» (см. номер «ВП» от 24 марта). Корреспондент «ВП» поговорил с художником перед перформансом.

КУРАТОРЫ ВЫБРАЛИ ОДИН АРТ-ОБЪЕКТ, КОТОРЫЙ Я МЫСЛИЛ КАК НАДГРОБИЕ

— Олег Борисович, что скрывать: вы известны прежде всего как «человек-собака», автор перформансов экстремальных, физиологичных (для кого-то — и патологичных), направленных на пробуждение инстинктов. Но «Ленинград Центр» явно решил представить вас совсем в иной ипостаси...

— Начнем с того, что я давно мечтал открыть выставку 20 марта, в день равноденствия, но никогда не получалось. Я заранее, за два года, договаривался, люди мне клялись, что все решено, но всякий раз возникали непредвиденные обстоятельства. А в этом году почему-то удалось. Это свойство реальности: когда отпускаешь ситуацию, доверяешься жизни, тебя будто начинает опекать сила свыше.

Но в этом году равноденствие совпало с солнечным затмением! И представьте себе: в этот день «Ленинград Центр» выставил мое надгробие. Сильный жест. Когда мы договаривались с кураторами о том, чтобы как-то представить мое творчество в новом читальном зале, я предложил им множество работ и стал строить грандиозные планы, делая мечты. А кураторы выбрали только один арт-объект (1988 года, почти никому не известный), который я задумывал как свое надгробие. Я был молод, не знал, сумею ли стать большим художником, и задавался вопросом: а не умру ли я довольно скоро? Было это после службы в армии, которая сильно повлияла на мое сознание (в армии я оказался на грани между жизнью и смертью). Я спросил себя: а к чему я хотел бы прийти к финалу жизни? что хотел бы увидеть на могильной плите?

— Вот противоречие: передо мной альбом «Олег Кулик» с «зоологической» обложкой — изображением приматов; а на «надгробии» — человек в духе Леонардо да Винчи, «венец творения»...

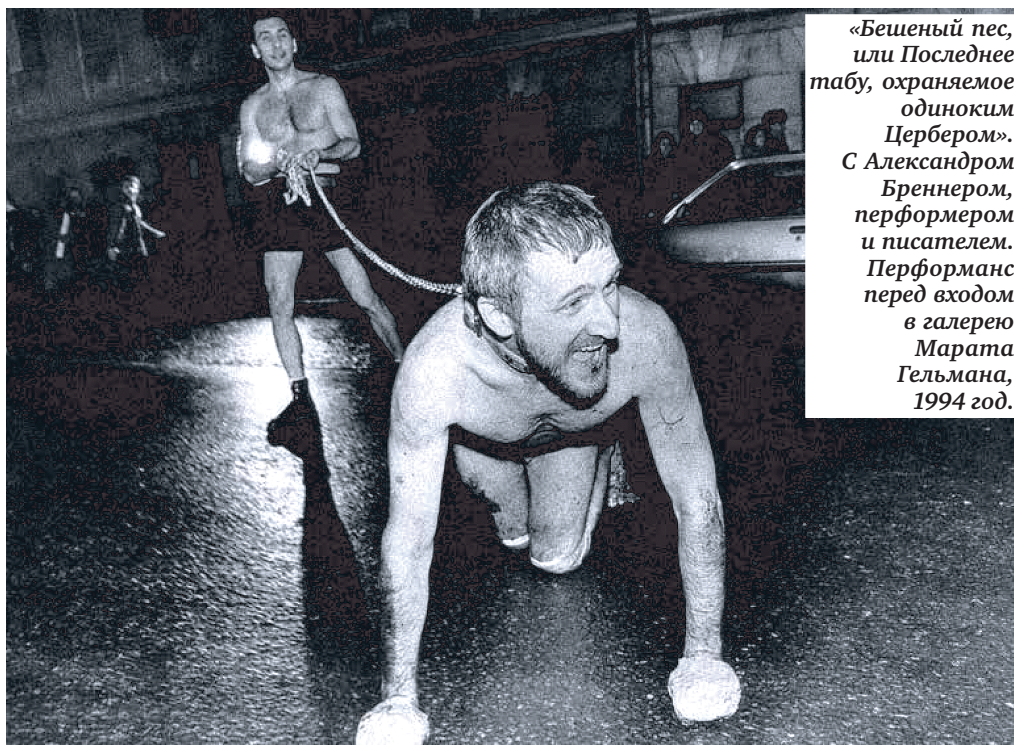
— Вы не случайно упомянули Леонардо. Это художник, которого я долго не любил (еще сильнее не любил разве что Микеланджело). Он представлялся мне, художнику стихийно-

му и неотесанному, модником и светским бавловцем. И вдруг я узнаю, что мы родились в один день, 15 апреля. Сначала был неприятный шок. Но потом я будто увидел свое отражение, у меня изменилось представление о себе и о мире.

КОГДА НА УЛИЦУ ВЫБЕГАЕТ ГОЛЫЙ МУЖИК НА ПРИВЯЗИ, ПУБЛИКЕ УЖЕ НЕ ДО ПОЭТА

— Вы нередко выступали в партнерстве с кем-то. Взять те же «собачьи» перформансы: ведь «собаку» кто-то держал на поводке. А что дает вам партнерство с Волковым?

— Во-первых, перформансы «человека-собаки» всегда проходили по-разному. Когда я впервые предстал в этом образе (перед входом в галерею Марата Гельмана в 1994 году. —

«Бешеный пес, или Последнее табу, охраняемое одиноком Цербером». С Александром Бреннером, перформером и писателем. Перформанс перед входом в галерею Марата Гельмана, 1994 год.

СПОНСОР РУБРИКИ «ТВ КУПОЛ»

100ТВ ТЕЛЕКАНАЛ Легенды «Ленфильма» — кинопоказ на 100ТВ

ИЗВЕСТНЕЙШИЙ ПЕРФОРМЕР — О МАГИИ ЧИСЕЛ, О ГРАНИЦЕ МЕЖДУ ЖИЗНЬЮ И СМЕРТЬЮ, А ТАКЖЕ О ЗВЕРИНОМ И БОЖЕСТВЕННОМ В ЧЕЛОВЕКЕ

— Всю жизнь я ищу гармонию между физиологией, инстинктами — и сакральными, идеальными измерениями. Я смотрю на человека как на сложное противоречивое создание, в котором совмещены эти полюса. Уловить его «объемность» и противоречивость — задача очень сложная; и художник не может сказать, что раз навсегда нашел «формулу человеческого». Ее нужно каждый раз искать заново. Лучше всего это доказывает искусство перформанса.

Прим. авт.), меня держал на поводке Саша Бреннер. Это был перформанс на двоих, по замыслу мы «монтировались» как собака и поэт (Бреннер читал стихи), как начала низшее и высшее. Но, сами понимаете, когда на улицу выбегает голый мужик на привязи, публике уже не до поэта. Надо сказать, Саша болезненно отреагировал на то, что внимание целиком принадлежало мне. Но ведь не так уж важно, кто был собакой, а кто — поэтом. На месте Саши мог оказаться любой, как, впрочем, и на моем месте. В этом, по-моему, сущность перформанса: личность не имеет решающего значения, важен сам по себе выход за границы допустимого.

По правде, этот выход каждый из нас совершает ежедневно много раз. Но обычно люди не относят это к искусству, стесняются этого, списывают на какие-то свои мании. Я же осмелил-

ся выставить свои «припадки», проявления своего эго на всеобщее обозрение. Когда человек, насилив себя, живет по стандартам, придуманным кем-то моделям поведения, стремится все контролировать, он волей-неволей утрачивает вкус реальности. А затем пробует алкоголь, наркотики — чтобы вернуть этот вкус. У меня же нет в этом необходимости.

— Вы нуждаетесь в доказательстве того, что внешний мир — есть?

— Для меня лично его существование неоспоримо. Существует мой ребенок, моя любимая женщина, мои друзья, мои враги. Все они зримые и абсолютно реальные. От одной работы к другой я, по сути, доказывал реальность во всей ее полноте. Появление художника перед публикой утверждает присутствие этого художника со всеми его чувствами и страстями. Какие бы у меня и у вас ни были вкусы, пристрастия, идеологические взгляды — все это в конечном счете телуха. Что действительно важно, так это живое присутствие живого существа — здесь и сейчас. В общем, бегаю ли я собакой или играю в пинг-понг на четырех философях — суть не меняется.

— Но в «собачьих» акциях ситуация была totally опасной. Случалось, вы теряли самоконтроль, кусали людей, вас забирали в полицию. Разве нынешний день таит какую-то опасность?

— Не зарекайтесь... (Смеется.) Но вы затронули важную проблему. Это сегодня мой образ собаки оценили, пишу о нем в книгах, научных исследованиях; а сначала никто не знал, как к этому относиться. Мои «собачьи» выходы к публике заканчивались истериками, слезами, штрафами, угрозами, полицией и даже решеткой. Но потом, когда эти перформансы признали как явление культуры и меня стали всюду приглашать, я ощутил: мои выходы к публике утратили энергию провокации. Все зрители были осведомлены о том, что они видят, охранники стояли неподалеку, все проходило под мощным контролем. Я выбежал, а вместо провокации получалась народная потеха, супершоу. А если все предсказуемо, какой же это перформанс? И у меня появилась дикая усталость от этого.

«Бегаю ли я собакой или играю в пинг-понг на философях — суть не меняется...» С Дмитрием Волковым, бизнесменом и филантропом. Перформанс в «Ленинград Центре», 2015 год.

Тогда я придумал совсем иной перформанс, спокойный и медитативный. Я стоял голый перед стеклом, на голове у меня был каркас с металлическим клювом, с помощью которого я рисовал на стекле автопортрет. Он был проекцией моего внутреннего голоса, голоса обывателя, который допытывал меня: «Олег, почему ты не такой, как все? Стоишь голый, рисуешь каким-то клювом. Почему ты не хочешь взять палитру, надеть берет, писать красивые портреты, радовать людей?» В финале я должен был клювом разбить стекло, то есть победить в себе обывателя. Но в Риге, куда меня пригласили, организаторы поставили стекло особо толстое: хотели сохранить автопортрет. И вот приходит момент одолеть обывателя. Я ничего не понимаю! Хочу разбить стекло — а будто бьешь головой о стену. Уже голова закружилась, зашатались зубы. Тогда я со всего маху разбиваю стекло рукой и через пять минут истекаю кровью так, что меня увозят на «скорой» и еле-еле успевают спасти. Вот так заканчивается спокойный, казалось бы, предсказуемый вечер.

А ЕСТЬ ЛИ У МЕНЯ ОБЫДЕННАЯ ЖИЗНЬ?

— Что вы можете сказать о себе в обыденной жизни?

— А есть ли у меня обыденная жизнь? Сложный вопрос. За пределами площадки мне очень сложно стать собой: меня заводом воспринимают в контексте перформанса, зрителя. Вот я иду с женой по улице и слышу: «О, смотри, Кулик!» Оборачиваюсь — алкаши какие-то стоят. Странно, откуда они меня знают? Мне трудно быть обычным человеком, просто прийти домой, снять тапочки, сесть у телевизора. Не получается. А если получается — это для меня и есть настоящее чудо, более удивительное, чем летающие грифоны. Задам вам вопрос: вы на чем сейчас сидите?

— На удобном большом диване... — А вы бы ответил (совершенно искренне!), что ощущаю себя на раскаленном камне, запущенном в космос.

— Посмотрим на ситуацию более реалистично. Сидя в «Ленинград Центре», расскажите читателям «Вечернего Петербурга», как Олег Кулик чувствует себя в Ленинграде/Петербурге — не обязательно вечером?

— Раньше это был для меня очень пыльный город. Я думал: почему здесь такисты подезжают на таких пыльных машинах? почему вообще все такое пыльное? Но благодаря жене (она у меня из Петербурга) я изменил представление о вашем городе. Когда мы сюда приезжаем, она приходит после прогулки счастливая, красивая, свежеющая: «Как я люблю Питер!» — и мне сразу представляется за ее спиной петербургская панорама. Или друг,

когда везет меня по Питеру, не устает восклицать Невой, моими набережными. Признаться, это не мой город. (Я вообще не горожанин, мое место — на природе, у реки, где можно побыть наедине с собой или с самыми близкими.) Но когда Петербург открывается мне через людей, я готов признать, что это самый красивый город на земле.

ТЕПЕРЬ Я ОТНОШУСЬ К СМЕРТИ КАК К ЧАСТИ ЖИЗНИ

— Говорят, человек всю жизнь сохраняет связь с пространством, где родился. Вы уроженец Украины...

— Что, сейчас политика пойдешь?! (Смеется.)

— Нет, скорее вопрос в рамках Года литературы. Ваш земляк Андрей Жолдак говорит, что по рождению ощущает связь со стихией Гоголя, вышедшего из малороссийской ночи — инфернальной, исполненной темного эротизма. Вы могли бы сказать так про себя?

— Более чем. Мои родные, кстати, из деревни, которая совсем недалеко от гоголевских мест. Меня часто упрекают в ярко выраженном магическом, колдовском начале моих работ, в пристрастии к паранормальным состояниям. Вы начали интервью с того, что меня знают прежде всего как «человека-собаку». Но сам бы вы выделил в своем творчестве две линии: «животную» и мистическую. Всю жизнь я ищу гармонию между физиологией, инстинктами — и сакральными, идеальными измерениями. Я смотрю на человека как на сложное противоречивое создание, в котором совмещены эти полюса. Уловить его «объемность» и противоречивость — задача очень сложная; и художник не может сказать, что раз навсегда нашел «формулу человеческого». Ее нужно каждый раз искать заново. Лучше всего это доказывает искусство перформанса.

Оно научило меня не цепляться. В жизни своей я много на чем настаивал; и чем сильнее настаивал — тем увереннее приходилось отказываться от убеждений. Увидев в «Ленинград Центре» свой ранний арт-объект, я понял, что сумел справиться с желанием все контролировать в своей жизни — и даже свое надгробие. Сегодня мне плевать, какое надгробие поставят, когда я умру. Какое захотят, такое пусть и ставят. Теперь я отношусь к смерти гораздо спокойней, как к важной и ответственной части жизни. Но прожить я хочу долго и сделать все возможное, чтобы тело мое еще много накуролесило.

Беседовал Евгений АВРАМЕНКО
Иллюстрации из альбома «Олег Кулик»
(специальный проект Social Discovery Ventures)